ПСИХОЛОГ, КОТОРЫЙ СТЁР СЕБЯ

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

18+

Не сдавайся пока не прочитаешь эти книги

Алексей Корнелюк

Психолог, который стёр себя

«Автор»
2026

Корнелюк А.

Психолог, который стёр себя / А. Корнелюк — «Автор», 2026 — (Не сдавайся пока не прочитаешь эти книги)

В ближайшем будущем травму больше не нужно годами разбирать в кабинете психолога. Её можно удалить — аккуратно, стерильно, почти без следов.Известный психотерапевт, автор бестселлеров и лицо новой индустрии «чистой памяти», сам проходит процедуру стирания. Он хотел избавиться от одного воспоминания. Но после операции становится слишком спокойным: забывает не только боль, но и то, кем был рядом с ней.Его бывший ученик замечает первые трещины. Учитель, который когда-то спасал людей правдой, теперь путает имена, не узнаёт собственные фразы и будто играет человека, которого все привыкли уважать.Расследуя прошлое наставника, ученик выходит на закрытую клинику, исчезнувших пациентов и главный вопрос: что именно психолог хотел стереть — травму или вину?«Психолог, который стёр себя» — психологический детектив о памяти, самообмане и мире, где боль стала услугой.

© Корнелюк А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Согласие на удаление 6
Глава 2. Лекция о боли 10
Глава 3. Фраза, которую он забыл 13
Глава 4. Женщина, которая не плачет 17
Глава 5. Место, где не кричат 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Алексей Корнелюк
Психолог, который стёр себя

Алексей Корнелюк
Психолог,

который стёр себя
Психологический детектив
Редакторская версия

Сентябрь 2026
Содержание
Глава 1. Согласие на удаление
Глава 2. Лекция о боли
Глава 3. Фраза, которую он забыл
Глава 4. Женщина, которая не плачет
Глава 5. Место, где не кричат
Глава 6. Контур 47
Глава 7. Марина, которая не забыла
Глава 8. Теперь её зовут Анна
Глава 9. Книга, написанная на чужой боли
Глава 10. Редактор, которая не исправила
Глава 11. Человек из архива
Глава 12. Отец, которому не ответили
Глава 13. Дочь с чужим именем
Глава 14. Вторая сторона
Глава 15. Лестница, которой не было
Глава 16. Последняя страница
Глава 17. Безопасная трагедия
Глава 18. Прошлое нельзя удалить
Эпилог. Что осталось
Послесловие

Глава 1. Согласие на удаление

В графе «контактное лицо» Даниил Орлов написал имя Тимофея Северина и остановился перед строкой с номером телефона. В памяти был старый номер, которым Тимофей не пользовался лет пять. Пришлось доставать мобильный. Орлова это неожиданно задело: он помнил, как ученик держит чашку, когда волнуется, и каким становится его голос при разговоре о деньгах, но не мог сообщить клинике одиннадцать цифр без подсказки.

Анкета лежала на низком столике. Чтобы писать, приходилось наклоняться, и край дорогого пиджака всё время цеплялся за колено. Орлов снял его, аккуратно сложил и положил рядом. В приёмной было достаточно тепло, чтобы сидеть в рубашке. Тёплыми были даже кожаные подлокотники кресла. Когда он участвовал в разработке стандартов «Мнемы», кто-то предложил подогрев сидений: пациенты приходили напуганными и часто мёрзли. Тогда это показалось ему разумной заботой. Теперь он чувствовал под собой нагретую кожу и никак не мог устроиться.

За стеклом Полина разговаривала с курьером. Он привёз не тот размер пакетов для подарочных наборов, и она пыталась объяснить разницу между двумя почти одинаковыми оттенками серого. Прервавшись, Полина подняла на Орлова глаза и улыбнулась. Он кивнул. Девушка снова повернулась к курьеру и сказала уже совсем другим голосом:

— Нам завтра это раздавать. Посмотрите, пожалуйста, заказ.

Орлов оставил номер Тимофея и перевернул лист. Его собственная фамилия встретилась ему внизу страницы, мелким шрифтом, среди консультантов, одобривших формулировки согласия. Он приложил ручку к месту для подписи и вдруг вспомнил, как выбросил из последней версии слово «необратимый». Рябова настаивала, что его нужно оставить. Юрист фонда возражал: обратимость индивидуальна, слово создаёт неоправданное ожидание катастрофы. Они заменили его на «стойкий». Орлов ещё раз прочитал получившуюся оговорку: «Возможно стойкое изменение эмоциональной значимости сопряжённых воспоминаний». Формулировку он помнил: сам предложил её на том совещании.

— Даниил Андреевич?

Вера Рябова стояла в дверях без халата. На ней был тёмно-синий костюм, который Орлов видел на последней встрече попечительского совета. Она держала планшет и не улыбалась. В отличие от Полины, Рябова прекрасно знала, зачем он пришёл.

— Я ещё не подписал.

— Возьмите с собой.

За приёмной начинался короткий коридор с закрытыми дверями. «Мнема» занимала верхние этажи нового дома у набережной; из переговорной открывался вид на реку, но в процедурных окон не было. Орлов когда-то спрашивал, не угнетает ли это пациентов. Архитектор показал световой потолок, который воспроизводил смену дневного освещения. Все одобрили. Теперь Орлов заметил под одной из дверей обычную светлую полоску и услышал, как внутри кто-то кашляет. Этот звук почему-то успокоил его больше, чем всё, что здесь придумали для успокоения.

В кабинете Рябовой стояло два одинаковых кресла. Она дождалась, пока Орлов сядет, и положила между ними его анкету.

— Прежде чем продолжим, я хочу услышать запрос без названия протокола.

— Вы его знаете.

— Я хочу, чтобы вы произнесли.

Он посмотрел на её руки. На правом большом пальце была трещина возле ногтя. Вера прикрывала её указательным пальцем, когда не пользовалась планшетом. На заседаниях он никогда этого не замечал.

— Я хочу перестать возвращаться к одному эпизоду.

— Вы будете его помнить.

— Я понимаю.

— Вы будете знать, что сделали. Будете способны пересказать последовательность событий. Измениться должна ваша реакция на воспоминание. Но она связана с другими реакциями, и отделить их совершенно точно мы не умеем. Я обязана сказать вам это как пациенту.

— Я слышал эту речь не меньше вас.

— Сегодня это не совещание.

Рябова не повысила голоса. Он откинулся на спинку. В коридоре прокатили что-то на колёсах, и глухой стук на стыке пола отдался в затылке. Последние месяцы так бывало часто: незначительный звук тянул за собой бессонную ночь, запах разогретого пластика, запотевшее окно автомобиля. Днём Орлов ещё умел объяснить себе, почему всё произошло. Ночью оставались подробности, которым объяснение не помогало.

— Двадцать четвёртое октября две тысячи шестнадцатого года, — сказал он. — И следующие двое суток.

Вера отметила что-то на планшете.

— Имя?

— Ася Зарецкая.

Он произнёс его тише, чем собирался. Рябова не переспросила. В её экземпляре анкеты имя уже было. Вчера Орлов сам отправил ей заполненную предварительную форму, дважды перечитав адрес получателя.

— Мы не работаем с вами по расширенной схеме, — сказала она. — Только стандартная коррекция реакции. Без реконструкции эпизода, без изменения связей между отдельными событиями. В карте это будет указано отдельно.

— Вы опасаетесь, что я потом предъявлю претензии?

— Я опасаюсь, что вы знаете слишком много, чтобы честно согласиться на то, чего не знаете.

Орлов чуть улыбнулся. Обычно после такой фразы он предложил бы Вере сохранить её для выступления. Сейчас ему не захотелось превращать разговор в материал.

Она попросила его назвать лекарства, принятые за последние двое суток, ещё раз уточнила сон и показала результат утреннего обследования. Он отвечал добросовестно. От этого возникло почти школьное облегчение: правильные сведения, аккуратно заполненные поля, неточность в одной дозировке можно исправить до того, как она станет опасной. Так он тоже когда-то принимал пациентов — с верой, что достаточно не пропустить существенное.

— Тимофей знает, где вы? — спросила Рябова.

— Нет.

— Вы указали его контактным лицом.

— Он надёжный человек.

— Это не ответ.

Орлов забрал у неё анкету. Подвёл ручку к номеру, но так и не зачеркнул его. Положил её поперёк листа.

— Наберите. Скажите, что я оставил его номер на случай, если мне понадобится сопровождение. Подробностей не нужно.

Рябова передала поручение координатору. Через несколько минут пришло сообщение: абонент не ответил, отправлено голосовое уведомление с просьбой перезвонить. Орлов представил кабинет Тимофея: мокрый зонт у двери, часы, которые отстают, стакан с карандашами, хотя тот давно почти ничего не записывал от руки. Скорее всего, сейчас у него шёл приём. Он прочтёт сообщение вечером и решит, что учителю требовалась какая-нибудь обычная помощь. Орлов мог позвонить сам. Телефон лежал на столе, достаточно было протянуть руку.

— Вы можете перенести процедуру, — сказала Вера.

— Не надо.

Она молча подвинула ему согласие. Он подписал.

Перед процедурной ему дали несколько минут. Сумку велели оставить в шкафчике, но лист бумаги и ручку разрешили взять. Он попросил бумагу ещё в приёмной и теперь сидел с ней на коленях, глядя на место, где следовало поставить дату. Открыть почту и написать Тимофею было проще. Однако отправленное письмо пришлось бы считать поступком, а лист пока можно было убрать в карман.

«Тима, если я скажу, что всё нормально, не верь мне». Орлов перечитал написанное и поморщился. Так звучало начало чужого романа. Следующая фраза вышла хуже: объяснение, почему ему пришлось принять решение, которое никто не мог принять за него. Орлов зачеркнул её и долго держал ручку над бумагой. Из процедурной вышел молодой сотрудник в светло-зелёной рубашке. На бейдже было написано «Артём. Техническое сопровождение».

— Вам воды принести?

— Нет. Сколько у меня времени?

— Сколько нужно. Вера Михайловна пока смотрит ваши исходные показатели.

Это была вежливая ложь: следующее окно в расписании начиналось через полтора часа. Орлов видел его на экране у Полины. Но сотрудник не двигался с места и смотрел на него без нетерпения.

— Вы давно здесь работаете?

— Третий год.

— Значит, старого блока не застали.

— Только архив. Мы его переносили прошлой зимой.

Орлов поднял голову. Артём, не заметив перемены, поправил лежащий на тумбочке кабель и ушёл. На бумаге осталась одна незачёркнутая строка. Орлов дописал под ней несколько предложений: даты, название исследовательского блока, просьбу сохранить документы. Слова «я виноват» он вывел отдельно, затем вернулся к началу и вписал имя девушки полностью. Получилось меньше страницы. Он не стал перечитывать.

Когда пришла Рябова, Орлов протянул ей сложенный лист.

— Передайте Тимофею после процедуры.

Она не взяла бумагу.

— Отправьте сами. Я могу принести ваш телефон.

— Если я передумаю, всё равно передайте.

— Нет. Я не буду решать, какая из ваших просьб настоящая. Вы ещё можете отправить письмо сейчас.

Он почувствовал раздражение. Вера отвечала ему так, как следовало отвечать пациенту, и он не мог воспользоваться привычной близостью. Орлов положил лист в нагрудный карман рубашки. На мгновение ему показалось, что оставить его там опасно: перед процедурой рубашку придётся снять. Он достал бумагу, сунул в свою медицинскую папку между результатами обследования и подписанным согласием.

В процедурной Артём сверял оборудование по списку. Вера ещё раз спросила, сохраняется ли его решение. Орлов ответил утвердительно. Он давно не бывал по эту сторону работы и теперь испытывал почти профессиональное любопытство: каково это — ждать, когда чужие люди закончат подготовку, не зная, какие из их действий обязательны, а какие связаны с неисправностью прибора. Артём сменил одно из соединений. Вера заметила, что Орлов смотрит на него.

— Ничего внепланового. У нас есть время.

Он закрыл глаза и приготовился к воспоминанию, которое предстояло удерживать. Сначала пришла дверь. Он стоял снаружи и видел полоску света под ней. Потом — голос девушки. Она говорила отчётливо, без истерики, и именно это до сих пор мешало ему спать.

Когда Орлов очнулся, свет был приглушён. Во рту пересохло. Рябова сидела рядом и смотрела на часы, ожидая, пока он окончательно придёт в себя. Он узнал комнату, назвал день и своё имя. Его попросили рассказать, зачем он пришёл.

Орлов сообщил дату, фамилию девушки, свою роль в принятии решения. Не обнаружив пробела, перешёл к следующему обстоятельству и удивился тому, как легко продолжает. Раньше на этом месте ему приходилось останавливаться: воздух словно застревал ниже горла. Теперь он сидел, говорил и слышал собственный ровный голос. Рябова задала дополнительные вопросы. Он отвечал без затруднения. Помнил, что плохо спал. Помнил, чем кончались попытки не думать о тех днях. Самого мучительного ощущения найти не удалось.

— Пока не делайте выводов, — сказала она. — Мы ещё будем наблюдать динамику.

Орлов попросил воды. Край стакана был прохладным, вода — обычной. Он выпил половину и впервые за много месяцев почувствовал голод.

Вера протянула ему папку. Из неё выскользнул сложенный лист. Орлов развернул его, прочитал и узнал собственный почерк. Всё написанное оставалось верным. Не было ни одного факта, который следовало бы исправить. Но отправлять письмо теперь представлялось неразумным: Тимофей начнёт спрашивать, затем искать, придётся объясняться с людьми, которые давно живут своей жизнью.

— Передумали? — спросила Рябова.

— Я не обещал его отправить.

Она посмотрела на него, затем убрала со стола пустой стакан.

Орлов сложил бумагу и вернул в папку. Вечером ему предстояло ответить на несколько писем и отменить утреннюю встречу. Больше никаких неотложных дел он не видел.

Глава 2. Лекция о боли

За три недели, прошедшие после звонка из «Мнемы», Тимофей успел сломать кофемашину, помириться с человеком, с которым не следовало ссориться, и дважды перенести собственный отпуск. Звонок он помнил главным образом потому, что тогда выключил телефон на приёме и обнаружил сообщение слишком поздно. Орлов перезвонил сам. Сказал, что проходил обследование и оставил номер на всякий случай. Поблагодарил, не дав Тимофею ни о чём спросить, и уточнил, будет ли тот на осенней лекции в «Контуре».

Тимофей был. Как и предыдущие пятнадцать лет, за исключением одного года, когда лежал с воспалением лёгких и смотрел трансляцию из дома. На этот раз ему досталось место в третьем ряду у прохода. На соседнем кресле стояла сумка, хозяйка которой разговаривала в телефоне о ремонте ванной. Тимофей снял пальто и посмотрел на экран над сценой. «Прошлое нельзя удалить». Под названием лекции помещались три логотипа, один из них принадлежал фонду «Новая память».

В фойе продавали книги Орлова и предлагали записаться на бесплатную диагностическую встречу. Тимофей взял чашку кофе, купил воду и прошёл мимо стенда. Он не любил, когда мероприятие ещё не началось, а посетителю уже объяснили, каким должен быть следующий шаг. Орлов и сам раньше иронизировал по этому поводу. Правда, именно у него Тимофей научился в конце консультации предлагать следующий приём так, чтобы это звучало почти как договорённость, уже достигнутая раньше.

Сумку наконец убрали. Соседка спросила, впервые ли он слушает Даниила Андреевича. Тимофей ответил, что давно его знает, и она обрадовалась, словно оказалась рядом с человеком, который способен передать ведущему личную записку. Пришлось объяснить, что сегодня он такой же слушатель. Женщина извинилась и достала блокнот.

Орлов появился без представления. Он всегда выходил чуть раньше, чем модератор собирался объявить его имя, и на несколько секунд оказывался один перед ещё не приготовившимся залом. Обычно в эти секунды он успевал сказать что-нибудь негромкое первому ряду. Тимофей не слышал слов, но видел, как менялись лица. Теперь Орлов подошёл к пюпитру, поставил воду и дождался, пока включат микрофон.

Первым отличием было отсутствие серебряного кольца. Небольшое, слишком тесное для его длинных пальцев, оно годами оставляло след возле среднего сустава. Орлов иногда поворачивал его во время трудных разговоров. Сейчас рука, лежавшая на пюпитре, казалась незнакомой. Тимофей подумал, что кольцо отправили в ремонт или оно осталось в другой квартире. Это не имело никакого значения, пока он не поймал себя на попытке вспомнить, когда видел учителя без него в последний раз.

Начало было хорошим. Орлов говорил о разнице между пережитым событием и жизнью, которая выстраивается после него; о том, как человек привыкает заранее отказываться от встреч, поездок и собственных желаний, лишь бы не оказаться там, где однажды стало страшно. Он не делал вид, будто каждое страдание полезно. Привёл пример мужчины, который три года не мог войти в метро после нападения и не приобрёл за это время никакой мудрости, только потерял работу. В зале стало тихо.

Тимофей знал этот материал. В предыдущей лекции Орлов останавливался после рассказа о мужчине, давал слушателям немного времени и однажды совсем сбился, потому что кто-то на последнем ряду заплакал. Сегодня он легко перешёл дальше. Слайды менялись точно в паузах, вопросы к залу возникали там, где было удобно поднять руки. Он выглядел выспавшимся. Голос стал чище. Ни одного глотка воды за первые двадцать минут.

Тимофей поймал себя на раздражении и попытался отнестись к нему как к собственной проблеме. Человек, который лечил и учил других, не обязан был вечно выглядеть измученным.

Он имел право наконец выспаться. Возможно, Тимофея задевало, что учитель сделал это без его участия.

Потом Орлов начал рассказывать об Асе. Имя он не назвал. На экране появился номер случая и возраст: девятнадцать лет. Тимофей узнал историю по вопросу девушки, боявшейся, что после лечения перестанет понимать, почему не хочет возвращаться к человеку, который причинил ей боль. Раньше Орлов рассказывал этот эпизод как ошибку, после которой изменил свои взгляды. Это была одна из глав его первой известной книги. Сегодня он говорил о трудностях раннего периода исследований.

— Пациентка была включена в повторный протокол после дополнительной оценки, — произнёс он. — К сожалению, тогдашние критерии отбора недостаточно учитывали нарушения доверия к собственному решению.

Тимофей выпрямился. В памяти возникла комната с открытой форточкой. Девушка сидела боком на кушетке и тёрла большим пальцем сустав мизинца. Он помнил, что она задавала много вопросов. Помнил усталость после длинной смены. Дальше шла привычная пустота: совещание, чьи-то пояснения, звонок на следующий день. Все эти годы он почти не задерживался на подробностях. Орлов сказал тогда, что девушку не удалось спасти. Было расследование внутри блока, которое Тимофею не показывали. Он давно научился считать отсутствие подробностей проявлением врачебной осторожности.

— В этом случае, — продолжал Орлов, — особенно важно отделить оценку результата от самообвинения специалистов. Самообвинение не возвращает пациента и не делает следующий протокол безопаснее.

Несколько слушателей закивали. Соседка записала последнюю фразу, подчеркнула её и поставила возле поля восклицательный знак. Тимофей почувствовал, что ему хочется забрать у неё блокнот. Это было так нелепо, что он положил ладони на колени и некоторое время следил за ними, словно они могли что-нибудь сделать сами.

Вопросы принимали через микрофон, который передавали по рядам. Женщина лет пятидесяти спросила, откуда пациент узнаёт, что избавился только от того, от чего собирался избавиться. Она говорила без подготовки, сбилась на середине, извинилась. Орлов помог ей сформулировать вопрос и ответил про сопровождение, контрольные встречи и возможность пересмотреть цели лечения.

— А если уже нечем пересматривать? — спросила она.

Модератор повернулась к ней. Вопрос явно не помещался в отведённое время, но Орлов жестом остановил её и попросил женщину объяснить.

— Я знаю, что хотела вернуть. Всё могу перечислить. Только теперь мне не очень понятно, зачем. И я не могу решить, считать это удачей или нет.

Орлов внимательно выслушал. Поинтересовался, проходит ли она наблюдение, и предложил обратиться к специалисту, который не участвовал в её лечении. Это был разумный ответ. Именно поэтому Тимофею стало ещё неуютнее: ему не за что было зацепиться. Учитель оставался компетентным, вежливым и собранным. Из разговора пропало что-то, что невозможно предъявить в качестве доказательства.

После лекции Тимофей пошёл за кулисы, но остановился у стенда, где женщина из зала складывала буклеты обратно в сумку. Она узнала его раньше, чем он успел представиться.

— Вы Северин? Я у вас была однажды. Даниил Андреевич тогда уезжал, и вы его заменяли.

Тимофей вспомнил приём только после того, как она назвала имя: Елена Рубцова. Сын. Дорожная авария. Она сидела возле окна и несколько раз просила открыть его, хотя на улице было холодно. Он почувствовал привычное профессиональное смущение: пациент хранил встречу, а ему потребовалась подсказка.

— Я помню вас, — сказал он и тут же поправился: — Теперь вспомнил. Извините.

— Ничего. Вас у меня тоже было много. Врачей, я имею в виду.

Она улыбнулась без обиды. Вблизи казалась моложе, чем из третьего ряда. Под глазами не было прежних отёков. Она хорошо спала — по крайней мере, так можно было предположить, если довериться внешнему виду. Тимофей уже не хотел доверять.

— Вы говорили о «Мнеме»? — спросил он.

Елена посмотрела в сторону стойки с логотипом.

— Даниил Андреевич вам не рассказывал?

— О вас — нет.

— Тогда правильно сделал.

Тимофей замолчал. Елена подождала, словно давала ему возможность закончить неудачный вопрос. Он сказал, что хотел бы узнать, как она живёт после лечения, если ей самой нужен такой разговор. Она достала визитку небольшого мебельного салона, на обороте записала личный номер.

— Позвоните завтра. Сегодня мне надо забирать заказ. Я всё-таки научилась заниматься скучными делами.

— Это хорошо?

— Обычно да.

Она ушла к гардеробу. Тимофей положил карточку во внутренний карман и только после этого заметил, что на обороте уже было написано чужой рукой: «цвет согласован». Поверх слова «согласован» Елена вывела последнюю цифру телефона.

За сценой пахло лаком для волос и остывшей выпечкой. Орлов сидел перед зеркалом, пока молодая сотрудница снимала с него передатчик. Она зацепила провод за пуговицу, извинилась и покраснела. Он терпеливо подождал. Увидев Тимофея, кивнул ему в отражении.

— Ты досидел до конца. Обычно сбегаешь до вопросов.

— Сегодня было о чём спросить.

— Давай, пока меня не забрали на интервью.

Девушка наконец освободила провод и вышла. Тимофей сел на край складного стула. Орлов промокнул лицо салфеткой и посмотрел на часы.

— Вы хорошо выглядите.

— Я начал спать.

— Из-за того обследования?

Орлов положил салфетку на стол.

— Я прошёл коррекцию в «Мнеме». Три недели назад.

Тимофей не сразу понял, что услышал. Он вспомнил голосовое сообщение, благодарность за помощь, которой не понадобилось, и то, как спокойно принял короткое объяснение учителя.

— Что именно вы корректировали?

— Реакцию на прошлое. Ты знаешь, как устроен метод.

— Я знаю, как вы его описываете.

Орлов посмотрел на него внимательнее. Тимофей увидел знакомое выражение, с которым учитель когда-то слушал его разбор первой неудачной консультации. Раньше одного этого взгляда хватало, чтобы стало легче. Теперь он заставил себя продолжить.

— В том числе реакцию на Асю?

— Да.

Орлов произнёс её имя без той короткой задержки, к которой Тимофей успел привыкнуть за десять лет. За дверью женщина из команды организаторов спросила, готов ли Даниил Андреевич. Он ответил, что понадобится ещё десять минут, и повернул складной стул к себе.

— Садись нормально, Тима. Мы можем поговорить.

Глава 3. Фраза, которую он забыл

Тимофей сел глубже, но удобнее не стало. Стул покачивался на неровном полу. В зеркале за спиной Орлова отражались лампы, бумажные стаканы и приоткрытая дверь, которую кто-то снова попытался закрыть снаружи. Даниил Андреевич сказал, что сам выйдет, когда освободится. В его голосе не было раздражения.

— Вы можете объяснить, что изменилось? — спросил Тимофей.

— Я больше не просыпаюсь среди ночи. Могу думать о том, что произошло, не теряя остаток дня. Это примерно то, чего хотят многие наши пациенты.

— Многие наши пациенты ничего не сделали.

Орлов провёл ладонью по столу, освобождая место для локтя.

— А некоторые сделали. Разве это отменяет их право на помощь?

Вопрос был знакомым. Тимофей сам задавал его людям, которые пытались превратить терапию в суд над собой. Он услышал собственные слова, произнесённые с чужой стороны, и понял, что ответить быстро не получится.

— Нет, — сказал он. — Но сегодня вы рассказывали об Асе так, будто вас там не было.

— Я не могу каждый раз рассказывать об этом одинаково.

— Вы сказали: «Пациентка была включена». Кем включена?

— Врачами, которые за неё отвечали.

— И мной?

Орлов поднял глаза. Пауза длилась недолго, но Тимофей успел пожалеть, что произнёс вопрос.

— Ты участвовал в оценке. Мы это обсуждали.

— Я говорил с ней один раз.

— Насколько помнишь.

В коридоре что-то упало. Оба повернулись к двери, и на секунду разговор перестал принадлежать только им. Тимофей воспользовался этой секундой, чтобы выровнять стул. Ножка попала на шов между плитками, качание прекратилось.

— Вы сейчас намекаете, что я не всё помню?

— За десять лет кое-что могло стереться и без процедуры.

— Я спросил не об этом.

Орлов открыл бутылку воды и предложил вторую Тимофею. Тот отказался. Учитель не торопился. Если бы кто-нибудь вошёл, их легко было бы принять за двух коллег, которые задержались после удачного выступления. Именно так они обычно и выглядели, когда Тимофею было хуже всего.

Пятнадцать лет назад у него умер пациент. Ларионов — мужчина, которому было всего немного больше, чем Тимофею теперь. После известия о смерти Тимофей три дня почти не выходил из квартиры. Затем поехал к Орлову, не предупредив, и, как ему всегда казалось, так и не добрался до кабинета. Сидел на лестнице между этажами. Орлов спустился, сел рядом, дал ему мятную конфету. На учителе был синий костюм, который Тимофей потом узнавал среди десятков других. Серебряное кольцо щёлкнуло о перила. «Ты не Бог, Тима. Не делай из своей ошибки религию». Эту фразу Тимофей переносил из квартиры в квартиру, из одного тяжёлого года в другой. Произносил мысленно после сложных приёмов, неловких разговоров, разводов своих пациентов, а иногда — после собственных поступков, к которым Ларионов не имел никакого отношения. Иногда ему даже казалось, что именно с той лестницы началась его настоящая профессиональная жизнь.

— Вы помните, как сидели со мной после Ларионова? — спросил он.

— Конечно.

— Что вы тогда сказали?

Орлов подумал.

— Мы говорили о твоей работе. О пределах ответственности. Вряд ли я воспроизведу дословно.

Тимофей повторил фразу. Ему неприятно было произносить её вслух, словно он показывал содержимое кармана, в котором много лет носил что-то личное. Орлов слушал внимательно, но узнавания на его лице не появилось.

— Я мог сказать нечто подобное.

— Вы именно это сказали.

— Возможно.

Тимофей почувствовал злость. Тут же понял, насколько несправедливо требовать от человека помнить каждую собственную удачную фразу. Но он требовал другого. Ему нужно было хотя бы маленькое подтверждение: да, я тоже там был, это произошло с нами обоими. Орлов не давал его и, похоже, не понимал, зачем оно понадобилось.

— Вы избавились только от вины? — спросил Тимофей. — Или от всего, что с ней связано?

— У меня сохранились чувства к людям, способность работать и принимать решения. Не стоит ставить диагноз по одному неприятному разговору.

— Я и не ставлю.

— Тогда скажи, что ты хочешь узнать.

Тимофей посмотрел на бутылку в его руке. Орлов держал её за самое горлышко, двумя пальцами. След от кольца ещё оставался на коже. Впервые за весь разговор Тимофею удалось отложить вопрос, что учитель к нему чувствует, и подумать о том, за чем следовало бы прийти с самого начала.

— Что произошло с Асей после нашей встречи?

Орлов поставил воду.

— Я уже говорил тебе об этом.

— Вы сказали, что она умерла. После повторной процедуры. Мне не показывали документы. Я не разговаривал с её отцом. В книге у вас описана девушка, которой стало хуже после лечения, но там нет ни имени, ни даты. Всё, что я знаю о её смерти, я знаю от вас.

— Тебе выдавали выписку.

— Когда?

— После того, как ты восстановился.

Слово прозвучало осторожно. Тимофей не мог вспомнить, чтобы восстанавливался после известия об Асе. Плохо спал несколько дней — да. Отменил часть приёмов. Мать привезла чистые рубашки, которые ему тогда зачем-то понадобились. Потом была обычная жизнь: новая работа, проблемы с арендой, разговор с Орловым, после которого стало легче. Всё это он помнил как разрозненные бытовые обстоятельства, никак не составляя их в одну неделю.

— Я был пациентом «Мнемы»?

— Тогда это ещё не называлось «Мнемой».

Тимофей встал. Ножка стула скользнула по плитке с таким скрежетом, что за дверью затихли. Орлов не двинулся.

— Почему вы мне не говорили?

— Мы не скрывали этого от тебя. Ты просил больше не возвращаться к теме.

— Когда просил?

— После лечения.

— Удобное время, чтобы спросить человека, нужно ли ему знать, что с ним сделали.

Он услышал собственный повышенный голос и замолчал. Ему хотелось обвинить Орлова в чём-то точном, но точных сведений по-прежнему не было. Он не помнил выписку. Не пом-

нил согласие. Не знал, что за лечение получил и какие решения принимал сам. Сейчас любой сильный вывод был бы ещё одним способом попросить учителя объяснить ему его жизнь.

Тимофей достал телефон и открыл заметки.

— Как называлось учреждение?

Орлов назвал исследовательский блок и фамилию Рябовой. Тимофей записал. Попросил уточнить дату. Учитель сказал, что всё произошло в течение нескольких дней после второй процедуры Аси. На вопрос, кто хранил архив, ответил: часть документов передали в «Мнему», часть осталась у фонда. Тогда Тимофей впервые за вечер почувствовал, что стоит на чём-то твёрдом. Название, фамилия, несколько дат — этого было мало для объяснения, но достаточно для следующего действия.

— Я запрошу свою карту.

— Это разумно.

Тимофея едва не передёрнуло от одобрения. Он положил телефон в карман и взял пальто.

— Вы не собираетесь меня останавливать?

— Ты взрослый человек.

Так Орлов говорил, когда ученик соглашался с ним после долгого спора. Сейчас фраза сопровождала уход, которого он явно не хотел, и Тимофей не сумел понять, означает ли это изменение или просто привычку. В дверях он остановился.

— Не звоните Рябовой вместо меня.

Орлов некоторое время смотрел на него, затем кивнул.

На улице начался мелкий дождь. Тимофей прошёл к набережной и обнаружил, что держит в руке номерок из гардероба. Пришлось вернуться за шарфом, который он оставил в рукаве сданного пальто и забыл проверить. Гардеробщица ворчливо показала на лежавшую отдельно серую ткань. Этот короткий разговор помог больше, чем прогулка. От него требовалось назвать цвет и поблагодарить. Ничего другого.

В машине Тимофей открыл сайт клиники. Не тот, рекламный, куда вели билеты с лекции, а раздел с контактами для запросов. Он написал, что в октябре две тысячи шестнадцатого года мог проходить лечение в исследовательском блоке, архив которого передан «Мнеме», и просит сообщить порядок получения копий собственной документации. Перечитал слово «мог», заменил его на «проходил» и отправил. Затем перенёс два ближайших приёма, объяснив пациентам, что возникли личные обстоятельства. Одному предложил контакт коллеги, к которому тот уже обращался раньше. Ответить всем оказалось труднее, чем написать в клинику.

Он почти добрался домой, когда пришло сообщение с неизвестного номера. Во вложении была фотография. Тимофей не стал открывать её за рулём, припарковался у магазина и подождал, пока загрузится файл.

Это был кадр с камеры наблюдения. Коридор, лифт, три человека возле открытой двери. Девушка в светлом свитере держала перед собой папку. Орлов стоял боком. Тимофей — чуть позади, так близко, что мог бы положить руку девушке на плечо. В верхнем углу читались дата и время: 23.10.2016, 19:30. Кадр был обрезан неровно, справа оставалась чёрная полоса окна старой программы.

Ни стрелок, ни подчёркиваний, ни загадочной подписи не было. В следующем сообщении отправитель написал: «Это не из открытого доступа. Номер нашёл на вашем сайте. Пока не звоните».

Тимофей увеличил изображение. На нём он выглядел моложе и тяжелее, чем запомнил себя в те годы. Галстук был ослаблен. На левой руке — часы, которые он потерял ещё до развода. Девушка смотрела на него, а он смотрел на Орлова.

Он набрал: «Кто вы и откуда этот файл?» Отправил. Ответа не последовало. Тогда Тимофей сохранил исходное вложение, записал время получения и вернулся к фотографии. На этот

раз он рассматривал не лица. Рука Орлова лежала на перилах возле лифта. На среднем пальце было серебряное кольцо; синий рукав заканчивался точно у запястья.

Тимофей положил телефон на пассажирское сиденье. Костюм мог быть одним и тем же. Орлов носил хорошие вещи годами. Однако, закрыв глаза, Тимофей снова увидел лестницу после Ларионова и почувствовал мяту на языке. Он не стал объявлять это разгадкой. Дома следовало найти старую папку с документами, о которой он не вспоминал десять лет.

Глава 4. Женщина, которая не плачет

В коробке с документами оказались гарантия на давно выброшенный холодильник, три договора аренды и рецепт очков, которые Тимофей так и не заказал. Медицинской выписки не было. Он вынул бумаги на пол и разбирал до двух ночи, стараясь не перечитывать письма, попадавшиеся между квитанциями. По утреннему свету стало понятно, что уложить всё обратно уже не получится: коробка разбухла, как обычно бывает с вещами, которые долго не трогали.

Мать ответила на третий звонок. На заднем плане работала вода.

— Случилось что-то?

— Почему обязательно случилось?

— Потому что ты звонишь в половине восьмого. Подожди, выключу кран.

Он спросил, нет ли у неё его старых медицинских бумаг. Мать уточнила, за какой год, и после ответа перестала возиться на кухне.

— Из той клиники?

Тимофей опустился на край дивана.

— Ты знала?

— Я тебя оттуда забирала.

— Почему мы не разговаривали об этом?

Она помолчала. Он слышал её дыхание, небольшие щелчки телефонного чехла.

— Ты сказал, что тебе уже лучше. Даниил Андреевич просил не расспрашивать. Я думала, тебе незачем вспоминать.

— Ты понимаешь, как это звучит?

— Теперь понимаю. А тогда мне позвонили и сказали приехать за сыном. Ты сидел и не мог найти рукав куртки. Я хотела увезти тебя домой.

Он посмотрел на лежавшие у ног папки. В них нашлись подтверждения почти всего неважного, что он делал десять лет назад. О главном приходилось спрашивать.

— У тебя остались документы?

— Конверт был. Я поищу. Только не с утра: у меня сегодня обследование, я уже опаздываю.

Тимофей едва не потребовал отложить её дела. Остановился, спросил, нужна ли помощь, и услышал, что всё давно организовано. Они договорились созвониться вечером. Прежде чем закончить, мать назвала число, которое помнила точно: двадцать пятое октября. Через два дня после фотографии. Тимофей записал его на обороте старого договора.

Елена Рубцова предложила встретиться возле метро «Аэропорт». Кафе находилось на втором этаже небольшого торгового центра, между магазином чемоданов и мастерской по ремонту телефонов. Она пришла раньше, взяла чай и сырник. На соседнем стуле лежала стопка образцов мебельной ткани. Тимофей не сразу нашёл место для собственного пальто; Елена подвинула образцы и объяснила, что после разговора поедет к заказчице выбирать обивку.

— Она третий месяц выбирает бежевый, — сказала Елена. — Уже и я перестала понимать, какой из них бежевый.

Тимофей улыбнулся. Она выглядела человеком, у которого есть работа и раздражающие клиенты. Ему было стыдно, что это удивило его.

— Прежде чем начнём, — сказал он, — я должен объяснить, зачем позвонил. Вчера Орлов сообщил, что сам прошёл процедуру. И оказалось, что я тоже лечился в исследовательском блоке. Десять лет назад. Подробностей почти не помню. Я пытаюсь понять, что могло измениться и какие вопросы задавать врачам.

Елена опустила ложку на блюдце.

— Значит, это не консультация для меня.

— Нет. По крайней мере, я не могу сейчас обещать быть вашим врачом. Мне следовало сказать об этом по телефону.

— Следовало.

Она взяла стакан двумя руками. Тимофей подождал. Ему хотелось поправить впечатление, объяснить, что чужая история важна сама по себе, но это тоже могло прозвучать как способ получить нужные сведения.

— Хорошо, — сказала Елена. — Я всё равно давно хотела рассказать человеку, который их знает. Только не записывайте. И не говорите потом «одна моя пациентка». Я не сюжет для лекции.

Он убрал телефон в карман. Елена заметила это и несколько секунд смотрела на стол, словно выбирала, с какого места начать.

— Мише было шесть. Вы ведь этого не помнили вчера?

— Пока вы не назвали имя — нет.

— Мне нравится такой ответ больше, чем если бы вы сразу стали вспоминать, какой он был. Вы его никогда не видели.

Тимофей кивнул. Из торгового зала доносились объявления о скидках. Внизу у эскалатора мальчик пытался уговорить мать остановиться возле автомата с игрушками. Елена посмотрела туда и вернулась к чаю.

— Машина вылетела на переход. Суд решил, что водитель уснул. Я всё время пыталась представить эту секунду: вот он ещё смотрит на дорогу, а вот уже спит. Думала, что, если пойму, смогу перестать возвращаться к началу. Миша умер через два часа в больнице. Я помню коридор и автомат с кофе. Купила шоколадку, держала в руке, пока врач говорил. Она растаяла. У меня были коричневые пальцы. Я всё думала, что надо их вытереть: Миша терпеть не мог грязные руки.

Она посмотрела на свои пальцы. Тимофей тоже посмотрел и тут же отвёл взгляд.

— После похорон я научилась делать всё необходимое так, чтобы ничего не замечать. Платить за квартиру, покупать продукты. Иногда забывала поесть, зато оплачивала телефон за несколько месяцев вперёд. Очень боялась, что его отключат. Непонятно, какого звонка я ждала. Потом стало хуже. Я начала искать сына на улице. Один раз пошла за чужим ребёнком, потому что у него была похожая шапка. Его мать вызвала полицию. Мне пришлось объяснять, что я никого не хотела пугать. До сих пор стыдно перед ней.

Она замолчала, пропуская официантку. Тимофею поставили кофе. Елена попросила завернуть сырник и добавить с собой ещё один. Затем дождалась, пока девушка уйдёт.

— Орлов помогал мне девять месяцев. Именно помогал. Я не хочу сейчас делать вид, что с самого начала видела в нём опасного человека. Он был первым, кто не заставлял меня говорить о сыне правильно. Другие очень любили слово «отпустить». У меня от него начинало сводить зубы. Даниил Андреевич как-то сказал: «На этой неделе попробуйте просто дойти до магазина. Отпускать никого не понадобится». Я пошла. Купила хлеб. Вы понимаете, почему я потом слушала его?

— Да.

— Мне становилось лучше, потом опять хуже. Я могла нормально прожить два дня, а на третий услышать во дворе мальчишеский голос и уже ничего не сделать. Орлов рассказал о программе. Сказал, что память останется, только воспоминание перестанет всякий раз причинять такое же страдание, как в первый день. Я спросила, забуду ли сына. Он ответил: «Нет». Этого оказалось достаточно.

В клинике Елене дали анкеты, несколько раз попросили описать одни и те же ситуации. Она честно говорила о вещах, которых стыдилась: о зависти к чужим детям, о ненависти к беспечным матерям, о том, как проверяла новости после каждой аварии, будто ей было необходимо убедиться, что беда не обходит другие семьи. Её выслушивали без возмущения. Никто

не говорил, что так думать нельзя. К концу обследования Елена впервые за долгое время перестала заранее готовиться к осуждению.

— Они обо всём спрашивали? — уточнил Тимофей. — В том числе о том, что вы хотели сохранить?

— Да. Я написала: «Мишу». Вера Михайловна сказала, что нужно подробнее. Я перечислила: лицо, голос, как он смеялся. Она объяснила, что факты не исчезнут. Я тогда не понимала разницы. Мне и сейчас трудно её объяснить.

После процедуры действительно стало легче. Елена вышла из клиники и увидела мальчика в синей куртке: тот ел булку, крошки падали на шарф. Раньше она не смогла бы смотреть или смотрела бы слишком долго. Теперь подумала только о том, что шарф придётся стирать. Вернувшись домой, открыла шкаф с Мишиными вещами. Часть сложила в пакеты и отдала. Две кофты и куртку оставила, потому что не хотела принимать все решения за один вечер.

— Я даже позвонила сестре и сказала, что, кажется, получилось. Она плакала. А я была рада, что могу её успокоить. Впервые за несколько лет кто-то плакал по телефону, а я нет.

— Когда вы заметили, что потеряли больше, чем хотели?

— Через неделю. Мы с сестрой смотрели старое видео. Миша смеётся, я слышу его, вижу. Могу потом воспроизвести, где он засмеялся. Но узнавание стало каким-то плоским. Не знаю, как ещё сказать. Я закрывала глаза и пыталась вспомнить его волосы после улицы. Знала, что раньше у этого был запах. Самого запаха не было.

Елена провела пальцем по краю стола. На ногте осталось немного пыли, и она автоматически стёрла её о салфетку.

— В магазине я перестала тянуться к его йогуртам. Сначала опять обрадовалась. Потом поняла, что исчезла и радость, с которой я покупала их раньше, когда он был жив. Будто всё, что связывало нас, решили убрать вместе с больницей. Фотографии стали фотографиями хорошего мальчика. Я знаю, что он мой. Знаю лучше, чем что-либо ещё. Иногда этого знания хватает. Иногда смотрю и пугаюсь, потому что не чувствую того, чего от себя жду.

— Что сказали в клинике?

— Что нужно время. Потом — что реакция могла измениться и от самого горя. Потом показали мои ответы в анкете: я меньше тревожусь, лучше работаю, больше общаюсь. Всё правда. Я сама поставила эти оценки. Однажды мне даже захотелось поставить хуже, чтобы они наконец увидели другую часть. Но я не стала. Очень глупо получается: ещё и защищаю их хорошую статистику.

Тимофей хотел спросить, вернулась ли к ней способность радоваться другим людям. Сдержался. Елена просила не превращать беседу в приём, а он уже мысленно подбирал вопросы для чужой карты.

— Вы жалеете, что согласились? — спросил он вместо этого.

Она долго не отвечала.

— Я жалею, что мне обещали более точный выбор, чем могли дать. А про саму процедуру не знаю. Иногда думаю, что без неё давно бы погибла. И злюсь, когда кто-нибудь пытается использовать это как доказательство, что всё сделано правильно. В другие дни мне кажется, что я поторопилась. Я могу думать и так и так?

— Конечно.

— Тогда не решайте за меня, пока будете разбираться с Орловым.

Он пообещал. Елена достала из сумки тонкую папку. В ней лежали три ответа клиники на её письменные обращения. Она разрешила ему прочитать один. В ответе подробно перечислялись достигнутые улучшения, затем сообщалось, что индивидуальный характер восприятия не позволяет подтвердить причинную связь с вмешательством. Под письмом стояла подпись Рябовой.

Тимофей попросил разрешения записать название программы. Елена продиктовала его и сама показала, где в конце согласия оговаривается изменение сопряжённых чувств. Оговорку он уже видел на сайте. Она занимала одну строку среди десятков других.

— Мне бы хотелось поговорить с независимым специалистом, — сказала она. — Не с человеком, которого они рекомендуют друг другу. Только я не хочу ещё раз рассказывать обо всём ради того, чтобы услышать, что надо принять результат.

Тимофей назвал коллегу, с которой не был связан финансово и которая не сотрудничала с фондом. Предложил сначала передать лишь вопросы Елены, без фамилии и истории, а потом дать ей возможность самой решить, нужен ли разговор. Елена согласилась на контакт, не на лечение. Он повторил это, чтобы не оставить между ними лишней договорённости.

Перед уходом она спросила, что именно он помнит о собственной процедуре. Тимофей ответил, что пока почти ничего. Не стал показывать фотографию Аси: Елена не знала девушку, и делать её участницей расследования только потому, что она пострадала от того же учреждения, было бы удобно лишь ему.

— Тогда записывайте, откуда вы что узнали, — сказала она. — Я в какой-то момент перестала отличать то, что помню сама, от того, что мне объяснили потом. Даже с йогуртами: сестра сказала, что я и раньше иногда проходила мимо. Я ей верю. Просто теперь не знаю, что считать первым изменением.

Она собрала образцы ткани, взяла коробку с сырниками и попросила Тимофея придержать сумку. Внизу они разошлись у эскалатора. Елена заговорила по телефону с заказчицей: выяснялось, что та теперь рассматривает зелёный. В голосе Рубцовой появилось такое обыкновенное раздражение, что Тимофей улыбнулся. Он не стал считать эту улыбку доказательством её выздоровления.

На телефоне его ждал ответ «Мнемы». Рябова предлагала приехать в тот же день с документом, удостоверяющим личность. «Часть архива уже поднята, — писала она. — Желательно обсуждать её очно, чтобы избежать ошибочного толкования».

Тимофей открыл новую заметку и записал две строки. Первую пометил «со слов Орлова», вторую — «со слов матери». Ни одной строки, которую можно было бы уверенно пометить «помню сам», пока не получилось.

Глава 5. Место, где не кричат

Тимофей приехал в «Мнему» на двадцать минут раньше и сначала сел в кафе через дорогу. Он хотел успеть прочитать собственное обращение ещё раз, не находясь под взглядом человека, который сейчас ответит. В письме было четыре просьбы: подтвердить даты лечения, предоставить согласие, назвать применённый протокол и сообщить, какие документы не сохранились. Все формулировки умещались на одном экране. Ночью он собирался написать гораздо больше, в том числе о своей тревоге и подозрениях. К утру убрал всё, на что можно было ответить сочувствием вместо сведений.

Полина встретила его так, словно они были давно знакомы. Вежливо проверила паспорт, предложила воду и попросила расписаться в журнале посетителей. На стене за ней висела фотография Орлова в окружении врачей. Он стоял чуть сбоку, уступив центр Рябовой и Платонову. Внизу сообщалось о новых возможностях персонализированной помощи. Ни слова о том, что один из изображённых людей недавно воспользовался этими возможностями сам.

Пока Полина звонила, Тимофей посмотрел на стойку с образцами документов. Согласие теперь занимало двенадцать страниц. Нужную оговорку о сопряжённых воспоминаниях пришлось поискать. Он поймал себя на желании загнуть угол и оставил бумагу как была.

— Вы проходили у нас диагностику? — спросила Полина, закончив разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.